

Неизвестные стихотворения Василия Рубана¹

Alexander Averbuch
University of Toronto
alex.averbuch@mail.utoronto.ca

Abstract:

This paper discusses unknown poems of Vasilii Ruban written in the last three years of his life. Dealing with the author's everyday affairs, these texts exemplify the so-called "poetry of the mundane" (bytovaia poeziia). This study seeks to tie together the commodified, communicative, and aesthetic aspects of the mundane in Ruban's poetry. The author proposes shifting the emphasis from these texts' literary merits to the circumstances of their creation and their immediate pragmatic function. They were not written for posterity, nor to exceed the bounds of local interest. Ruban's true readers were his patrons; they understood his communicative strategy and accepted it as such. This poetry thus constitutes a remarkable source of information about the social and private life of Ruban's patrons and the connections between them; analyzing their relations with the poet and responses to his requests, the article contextualizes Ruban's poetry of the mundane within the communicative conventions of the period.

Keywords:

Vasilii Ruban, unknown poems, poetry of the mundane, patronage

Стихотворное наследие Василия Григорьевича Рубана (1742—1795) до сих пор мало изучено. Отчасти это обусловлено отсутствием издания, в котором были бы представлены произведения поэта. Небольшой интерес к этому плодovitому, но оставшемуся только в истории литературы автору объясняется также его репутацией посредственного литератора-подражателя, отличившегося к тому же невероятной продуктивностью.²

Надпись к камню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великого (1770) — едва ли не единственный успех в поэтическом наследии Рубана, отмеченный, не всегда без иронии, современниками и наукой. Н. И. Греч писал, что литераторов при жизни судят "по самому плохому из их творений, по смерти — по самому лучшему <...> Кто не отдает справедливости единственному четверостишию Рубана!"³ М. Н. Загоскин и П. А. Вяземский также отзывались об этой надписи как о единственном и случайном достижении поэта.⁴

¹ Автор признателен кафедре славянских языков и литератур Торонтского университета, а также А. А. Костину и Н. Ю. Алексеевой, которые оказали неоценимую помощь в подготовке публикации, а иногда брали на себя и часть черновой работы. Автор приносит глубокую благодарность рецензентам за ценные замечания и предложения, учтенные при подготовке статьи, и Ольге Нечаевой за редакторские замечания.

² О репутации Рубана см.: С. И. Николаев, "В. Г. Рубан," *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. III (Р-Я) (Санкт-Петербург: Наука, 2010), 68-72; С. И. Николаев, "О литературной репутации В. Г. Рубана," *Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова* (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. Университет культуры и искусств, 2006), 230-233.

³ Н. И. Греч, *Записки о моей жизни* (Москва-Ленинград: Academica, 1930), 40.

⁴ "Кто не знает этих превосходных стихов из надписи к монументу Петра I, по милости которых имя Рубана не совсем еще забыто? Итак, нет сомнения, что человек, не имеющий никакого таланта, может ошибкою сочинить несколько хороших стихов" (М. Н. Загоскин, "Выдержки из памятной книжки",

И. И. Хемницер в эпиграмме на Рубана вовсе сомневался в авторстве этих стихов: “Но сомневаюсь, чтоб Рубан их писал.”⁵

В 1935 году Л. Я. Гинзбург опубликовала единственную на сегодняшний день представительную подборку черновых⁶ стихотворений Рубана.⁷ В сопроводительной статье исследовательница фокусировала внимание на бытовом характере подносных од Рубана, за что некоторые современники критиковали поэта.⁸ При этом в качестве примеров Гинзбург приводила стихотворные опыты последних лет жизни Рубана (в основном 1794—1795). Это не случайно. Наш анализ черновики, хранящихся в личном фонде Рубана (ОР РНБ. Ф. 653),⁹ показал, что сугубо бытовая тематика проявилась со всей яркостью в его поэзии именно в поздний период творчества.¹⁰ Так, в тетради под названием *Стихотворческие упражнения* (653-2), содержащей черновики в основном 1770-х годов, тема быта не поднимается,¹¹ хотя жанровый репертуар, свойственный Рубану (надписи, стихотворная переписка, стихи на случай), не отличается от двух следующих тетрадей (653-3, 653-4), содержащих в основном стихотворения последних трех лет жизни поэта.

По-видимому, в старости бедность и болезнь вынуждали Рубана прибегать к детализации бытовых нужд в своих прошениях и доходить до уточнений, которые в его

Литературный вечер (Москва: типография С. Селивановского, 1844), 146); “Удачу не сочту за несомненный дар; / И Рубан при одном стихе вошел в храм славы” (П. А. Вяземский, *Стихотворения*. Библиотека поэта (Ленинград: Советский писатель, 1986), 72).

⁵ И. И. Хемницер, *Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям*, с [предисл.], биографической статьей и примечаниями Я. Грота (Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1873), 362.

⁶ Подборка стихотворений Рубана в выпуске *Русская поэзия* С. А. Венгерова составлена из стихов, публиковавшихся ранее в периодике (С. А. Венгеров, *Русская поэзия*, Т. 1, вып. 6. (Санкт-Петербург: Типо-Литография А. Э. Винке, 1897): 337-359).

⁷ Л. Я. Гинзбург, “Неизданные стихотворения Рубана,” *XVIII век*. Сб. 1 (Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1935): 410-432.

⁸ Например, В. В. Капнист писал: “Но можно ли каким спасательным законом / Принудить Рубова мириться с Аполлоном? / Не ставить на подряд за деньги гнусных од / И рылом не мутить Кастальских чистых вод?” (В. В. Капнист, *Собрание сочинений*, т. 1 (Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1960), 73.) И. Ф. Богданович в эпитафии Рубану упрекал его в том, что тот мог заслужить более славы, если бы не обольщался другого рода стихотворческими занятиями (намекая на контраст *Надписи* с бытовыми стихотворениями). Богданович считал, что значение поэзии определяется предметом, которому автор посвящает свое произведение. Рубан же, в отличие от *Надписи к камню*, обращается к неприемлемым для поэтического творчества темам; он обольщался не “иными занятиями”, а “неподобными (*Надписи*) вещами”: “Плеща образом отечества отца, / Достоин он достиг парнасского венца; / И боле бы еще от славы увенчался, / Когда бы завсегда подобным обольщался” (И. Ф. Богданович, *Стихотворения и поэмы*. Библиотека поэта (Ленинград: Советский писатель, 1957), 180).

⁹ Далее цитирование источников из ф. 653 дается с указанием номера единицы хранения и листа.

¹⁰ Под бытовой тематикой мы подразумеваем введение в поэтический текст предметов домашнего обихода, интерьера, пищи, одежды, обсуждение денежных вопросов и физического состояния человека.

¹¹ Единственное стихотворение на бытовую тему в этой тетради — перевод из Свифта, датированный концом 1770-х годов. Он опубликован и сопровождается историко-литературным комментарием Н. Д. Кочетковой (Н. Д. Кочеткова, “Первый русский стихотворный перевод из Свифта,” *Res traductoria. Перевод и сравнительное изучение литератур: Сб. к 80-летию Ю. Д. Левина* (Санкт-Петербург: Наука, 2000), 98—102). Мы приводим перевод с уточнениями к этой публикации: “С посредственным умом всяк может рассудить: / Чтоб ветчины кусок мог Бога прогневить? / Иль чтобы сельдь могла имети чародейство / На нас гнев Божеский привести собой в недейство? / Бог, бывши окружен величеством своим, / Посмотрит ли, что мы и в кои дни ядим?” (2: 67 об).

ранних сочинениях отсутствовали. Всего перед смертью на счету Рубана числилась сумма в 3516 рублей (как видно из его завещания); среди его личных документов находятся государственные заемные билеты на процентные вклады. В последние годы Рубан также активно занимался книготорговлей: после смерти у него дома были найдены книги на продажу (500 экземпляров изданного им “Посетителя и описателя святых мест” (СПб, 1794)); инструменты для книгопечатания (переплетный станок, тиски, обрез, специальные линейки); переписка с типографиями; объявления в газеты о продаже изданных книг. Очевидно, Рубан жил на жалованье, банковские проценты и деньги, выручаемые от продажи книг. Жалованье Рубана за 11 лет службы в Военной коллегии (1784—1795) не росло и составляло незначительную для круга, в котором он вращался, сумму в 562 рубля в год (РГВИА (ф. 2, оп. 16, № 2); приносим глубокую благодарность А. А. Костину, предоставившему эту выписку). Расходы на аренду дома, издательские издержки, а также вероятные затраты на лечение оставляли на жизнь мизерную сумму. Отсутствие долгов наряду с небольшим балансом также свидетельствует о крайне бедственном положении: по продаже с аукциона оставшегося имущества долгов уплачено несколько десятков рублей (1: 34).

Адресатами опубликованных Гинзбург подносных од были в основном высокопоставленные государственные деятели, влиятельные вельможи. Между тем особый интерес в плане развития поэтики быта и жанра дружественных посланий в конце XVIII века в не меньшей мере представляют короткие стихотворения Рубана, посвященные близким, зачастую незнатным друзьям, стихотворная переписка. Высокий одический стиль (который преобладал в произведениях, опубликованных Гинзбург) в этих стихотворениях значительно уступает место бытовому со свойственными ему почти дневниковой фактографией и “хозяйственными” мотивами.

Цель настоящей работы — ввести в научный оборот корпус стихотворений, написанных Василием Рубаном в последние годы жизни. Эти тексты могут служить источником сведений об общественной и частной жизни людей конца XVIII века, об их быте, а также о литературном процессе того времени в целом. В последние годы стихотворный труд был для Рубана основным источником житейских благ. За стихи ему платили обедами, провизией, предметами домашнего обихода, деньгами. В стихах же он просил о пенсии и подарках. Рубан был вынужден, за неимением других средств к существованию, служить до последних лет жизни. До самой смерти он числится в переводчиках Военной коллегии.¹² В послании к Н. И. Салтыкову от 1794 года он просит, чтобы его уволили: “И чтоб уволен я военным был приказом / От службы, ибо я уже и слеп, и глух” (3: 258).

Институт меценатства в русской литературе XVIII века достаточно хорошо изучен.¹³ Ряд исследований посвященных проблематике соотношений репутации-успеха, затрагивает область литературы, в которой особое место играют стратегии авторов и умение пользоваться социальными механизмами, овладение которыми обеспечивает карьерный и экономический успех.¹⁴ Некоторые работы рассматривают отношения поэта-патрона как

¹² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1795 (Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1795), 49; далее Адрес-календари цитируются с указанием года и страницы.

¹³ См., например: David L. Ransel, “Character and Style of Patron-Client Relations in Russia,” *Klientelssysteme im Europa der Frühen Neuzeit*, ed. Antoni Maczak and Elizabeth Mueller-Leuckner (Munich: R. Oldenbourg, 1988): 211-30; Colum Leckey, “Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796,” *Slavic Review*, vol. 64, no. 2 (2005): 355-379; Кочеткова, Н. Д. “Образ мецената в представлениях русских писателей XVIII в.” А. М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы/отв. ред. С. А. Кибальник и А. А. Панченко (Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2008): 87-97.

¹⁴ В. М. Живов, “Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков,” *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры* (Москва:

источник поэтического вдохновения.¹⁵ Аналогичные отношения в среде европейских литератур описаны в исследованиях, которые определяют систему патроната как формирующий фактор риторики и поэтики посвящений и фокусируют внимание на столкновении категорий публичной окказиональности литературы и авторского субъективизма.¹⁶ Характеризуя принципы европейского института патроната, исследователи рассматривают отношения «патрон — клиент» как систему диффузного обмена культурными и экономическими ценностями. Такие отношения обуславливали финансовую поддержку и защиту со стороны патрона и политическую солидарность и лояльность со стороны опекаемого клиента.¹⁷

В данной статье мы предлагаем рассмотреть публикуемый материал как изнутри, через непосредственное его содержание и бытовую тематику, так и снаружи — через функциональную коммуникативность текста и его регистры, которые принимались как автором, так и его адресатами. На примере предлагаемого материала мы показываем, что возможна иная, отличная от привычной негативно-саркастической и изобличительной, интерпретация. Историки литературы изымали стихотворения Рубана из диалогического контекста и рассматривали его поэзию вне этой стремительно развивающейся интерактивности, превращая ее в монолог, а самого автора — в посмешище. Нам представляется, что такое видение искажает мотивировки поздних произведений Рубана и конкретную социальную картину, на фоне которой они создавались. Из этих текстов видно, что они не оставались без ответной реакции. Рубана побуждало к написанию этих стихотворений не только безудержное графоманство, над которым насмеялись современники, но и приемлемость самой их формы для того круга адресатов, к которым он обращался в своих прошениях.

Стихотворения Рубана можно понять, только учитывая вторую сторону диалога, зная о реакциях конкретных читателей, которым эти тексты предназначались, их мотивировках. Патроны Рубана поддерживали эту переписку годами и не имели ничего против такого оформления бытовых прошений. Показательно письмо В. Я. Чичагова Рубану, в котором он разуверяет поэта в его надоедливости и бездарности и просит продолжать присылать ему стихотворения. Рубан мгновенно реагирует на просьбу и в тот же день отправляет Чичагову оду и "прочие сочинения" (29: 1). В благодарении Е. А. Мусиной-Пушкиной за манжеты Рубан колеблется между двумя вариантами одной из строк, каждый из которых выражает основные предпосылки к созданию этой поэзии: стимулирование и поощрение меценатом ("И чтением своим их цену умножаешь"; "И к новым тем меня трудам воспламеняешь" — второй вариант зачеркнут).

Существенное место в предлагаемом материале занимают "продуктовые" и "промтоварные" просьбы. Порой они предстают в виде бытовых записок, переписки. Зачастую Рубан отвечал на прозаические письма своих корреспондентов только в стихах,

Языки славян. культуры (Кошелев), 2002), 557-637; М. Альтшуллер, И. Мартынов, "Звучащий стих свободы ради...": Очерки о читателях декабристской поры (Москва: Книга, 1976); А. И. Рейтблат, *Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы* (Москва: Новое литературное обозрение, 2014).

¹⁵ Н. Ю. Алексеева, *Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках* (Санкт-Петербург: Наука, 2005), 136; L. Golburt, "Vasilii Petrov and the Poetics of Patronage," *ВИБЛИОФИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* 3 (2015): 47-69.

¹⁶ D. Griffin, *Literary Patronage in England, 1650-1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996); P. W. Shoemaker, *Powerful Connections: The Poetics of Patronage in the Age of Louis XIII* (Newark: University of Delaware Press, 2007).

¹⁷ S. N. Eisenstadt, L. Roniger, *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984).

изобилующих деталями повседневности, автобиографическими подробностями, жалобами на судьбу. Примером такого послания может служить следующее стихотворение, основные мотивы которого — телесные потребности: согреться и наесться.

Я дома все лежу, одевшись в тулуп,
И сорочинский ем с корнем разным суп,
Но к пище должного лишаюсь аппетита,
И нужна для сего мне рюмочка лафита.¹⁸
<...>
(6)

Быт у поэта становится основным смысловым центром стихотворения и одновременно — поводом к его написанию. На примере этого текста можно проследить, как акцент в поэзии Рубана смещается с личности на ее физическое мироощущение, бытовое окружение, плотское наслаждение и комфорт. Поэтическое высказывание низводится до бытового запроса: Рубан использует стихотворную форму для удовлетворения своих житейских нужд. В следующем послании тема пищи и бытового комфорта (обогрева) вновь становится центральной. Благодарение П. И. Новосильцеву за “хлеб насущный” сопровождается дополнительной просьбой:

Наместо одного в дар три куля муки
От Новосильцева мне прислано руки.
В нем благотворного себе я вижу Феба
И действию сие приписываю неба,
О благоденствии недремлюща моем.
<...>
Ты накормил меня, прошу еще, согрей
И двух сажений дров прислать не пожалей...
<...>
(9)

Такого рода прошения позволяли Рубану, отступая от норм поэтического высказывания, прибегать к деловой конкретизации: радоваться трем “кулям” муки, а не одному, просить “две сажени” дров. Чем позже, тем чаще находим приземленные прошения, масштаб которых сокращался до сиюминутных удовольствий:

Для услаждения недужливыя глотки
Просил я у тебя голландския селедки...
<...>
Итак, за нужно счел, хотя и неприлично,
О том же и теперь тебя просить вторично.
Итак, когда тебе я сим не досажу,
Не в прозе, но в стихах уж оной попрошу.
<...>

¹⁸ Полный текст стихотворений и комментарии приводятся в приложении. Здесь и далее при цитатах указывается в скобках их порядковый номер. При цитировании в статье полного варианта стихотворения в приложении он не дублируется, а сопровождается библиографическими данными и комментарием сразу же.

(13)

По-видимому, эта просьба не увенчалась успехом, и Рубану вместо сельдей пообещали яблок:

Во место мне сельдей ты яблок обещал.
 Приятный для сего и случай днесь предстал.
 Пришли уж корабли, как слышу я, с плодами,
 Не буди огорчен моими лишь словами.
 <...>
 (17)

Приведем еще один пример подобного послания:

Ужасной жаждою томил мя летний зной,
 Но жажду мне пресек мед, Гаврииле, твой!
 Насытившись его я сладкими струями,
 Благодарю тебя усердными стихами
 За милость, кою мне сим питием явил
 И полумертвого ты силы укрепил.
 <...>
 (12)

Своеобразный бартер “стихи на яблоки” представлен в обращении к адмиралу Василию Яковлевичу Чичагову, написанном за месяц до смерти поэта. В этом случае стихотворение является своего рода “овеществленным словом”, поддающимся обмену.

Беседку, Чичагов, твою я пел стихами!
 Ты сада твоего меня снабди плодами,
 <...>
 Ты стыдным лишь сего не назови пороком,
 Что благотворности я привлекаю слогом.
 В надежде твоего покровя я пишу
 И для игры лишь слов сей новости прошу,
 Чтоб возвращение твое к Петрову граду
 Мне ощутительну доставило отраду...
 <...>
 (31)

В этом послании примечательны два момента: первый — аргументация стихотворного обращения (“благотворности я привлекаю слогом”), второй — постоянное стремление извлечь материальную выгоду (“Чтоб возвращение твое к Петрову граду / Мне ощутительну доставило отраду”).

Для стихотворений, в которых Рубан благодарит мецената за присланную снедь, характерна опора на вкусовые ощущения.¹⁹ Описания вкусовых переживаний у поэта часто

¹⁹ Примером подобного послания, построенного на вкусовых впечатлениях и воспоминаниях, становится стихотворение *На отъезд Алексея Филипповича и Настасьи Николаевны Надаржинских из Петербурга в Украину марта дня 1794 года* (10).

сплетаются с рудиментами одического жанра (высокой лексикой, патетическими выражениями благодарности), связывая воедино обыденное и высокое, гнусное и торжественное. Это единство характерно для поздних стихотворений Рубана в целом.

24 сентября 1794

На целый год меня ты, Яковлев, снабдил
Запасом сладостей и оным изъявил
Ты к благодворности свою преклонну душу,
И если скромности твоей я не нарушу,
Что благодарный стих тебе я сей пишу,
За сладость сладостным почесть его прошу.²⁰

Как видно из этих текстов, со временем представление о том, что поэт должен находиться на полном довольствии меценатов, все ярче раскрывается в текстах Рубана. В некоторых стихотворениях это обретало еще и теологическое обоснование: “Богатые сию одну к творцу дорогу / Имеют, и других путей им в небо нет” (письмо к Сергею Саввичу Яковлеву октября дня 1794 года, 3: 238).

Рубан принимает “калачи и муку” и сравнивает полученное им с дарами Феба. Под лучами, которые Феб — бог солнца и поэзии — изливает на поэта, имеется в виду снизошедшая на Рубана поддержка. Поэт смешивает мифологические образы с повседневными нуждами, объединяет плотское наслаждение и духовное переживание. В этом отношении характерен еще один черновик, на лицевой стороне которого записана *Молитвенная песнь к Богу*, а на обороте — подсчет стоимости покупок: рыба, баранина, икра, сельди (3: 253).

Один из часто встречающихся бытовых сюжетов в стихах Рубана — застолья. Так, например, в письме А. А. Нарышкину поэт выражает благодарность за обед. В этом стихотворении он детально описывает домашнюю обстановку мецената и сервировку стола с “яств кусками и вином” (3: 108-9), во многом похожую на “цветник” застолья у Державина в *Евгению. Жизнь Званская*.²¹ Иногда он самовольно напрашивается на именины или обеды. Примером такого жанра является следующее послание:

Просил я у тебя, любезный друг Кутузов,
Не для шитья картузов,
Но для шитья чехлов
Портного из хохлов.
Он был и взял к себе чинить сюртук мой старый,
Но видно, загулял в цареве доме с чарой,
<...>
Пожалуй, прикажи об оном поразведать
И дай мне знать, когда прийти к тебе обедать.
<...>

²⁰ 3: 271. Сергей Саввич Яковлев (1763-1818) — действительный статский советник. Владелец Алапаевского, Невьянского и Уткинского горных заводов в Пермской губернии. Сын миллионера С. Я. Яковлева. Рубан искал покровительства также у сестры Яковлева, Анны Саввишны Баташевой (1749-1825) — благотворительницы, и ее супруга Александра Ивановича Баташева (1741-1807) — заводчика, владельца приисков, торговца пушниной (3: 279).

²¹ Подробнее о застольях и их зрительном эффекте см.: Т. Смолярова, *Зримая лирика: Державин* (Москва: Новое литературное обозрение, 2011), 344-347.

(16)

Порой кулинарные восторги граничат у Рубана с бестактностью. Например, в соболезновании В. А. Жандру на смерть его тетки поэт не может удержаться, чтобы не вспомнить о тех вкусных обедах, которые составляют истинный предмет его сожаления:

Недавно юной смерть я Шпрингеровой пел.
К несчастью, в гробе днесь и мать ее узрел,
У коея в дому имел пять лет жилище,
Быв соучастником ее нередко пище
И наслаждаясь любезных с ней бесед,
Чем вдвое вкуснее ее бывал обед.

<...>

(29)

Иногда Рубан писал экспромты и прямо во время обеда, за столом, “внезапу”:

В нечаянный сюда сего числа приход
Узнал, что начал ты, Волконский, новой год.

<...>

Вот мой приветственный тебе, Волконский, стих,
Сотканный во твои внезапу именины...

<...>

Ты рюмку поднеси шампанского вина
Всею поздравляющей тебя в дому беседе,
А для того вели бутылке быть в обеде.

<...>

(14)

Следующая категория бытовых стихотворений — просьбы и благодарности. К концу жизни у Рубана ослабли зрение и слух. На это он неоднократно жалуется своим патронам.²² Нижеприведенное послание к А. Ф. Надаржинскому — это не абстрактная просьба о покровительстве или признательность, которые мы видим в ранних одах поэта, но краткая благодарность за конкретную услугу:

Во свете я твоим зрю, Надаржинский, свет.
Богатя руки твой присланный лорнет
Предметы мелкие мне крупными являет
И тупость моего тем взора исправляет.

<...>

(5)

Подобной благодарностью — за манжеты — становится и следующее послание к Е. А. Мусиной-Пушкиной:

Исполнившийся зрю твой, Пушкина, обет!
Три пары от тебя в дар получив манжет,

²² Салтыкову (з: 258), Зубову (4: 6).

Благодарить тебя и честь, и долг имею
И вечную к тебе преданность печатлею
Душою, мыслями, и сердцем, и умом,
И словом языка, и действуя пером.

<...>

(1)

Особые, почти чувственные отношения Рубана с миром вещей выражены в следующем благодарении:

Щедротю твоей десницы, Энгельгардт,
Я вещи выкупил, которые ломбард
В закладе у меня имел за малу цену.
Виновником ты стал свободы их из плену.

<...>

(4)

В последние годы Рубан часто жаловался на больные ноги: он с трудом выходил из дому, просил у своих меценатов кареты для выезда. Следующие благодарения за предоставленную карету почти совпадают.²³ В них Рубан подчеркивает случайный характер и мимолетность снизошедших на него благ:

к С. С. Яковлеву

к И. Е. Ферзену

Нетщето, Яковлев, я стал тебе знаком.
Доселе я ходил на трех ногах пешком,
Сегодня я в твоей катаюся карете.
Коль чудный оборот вещей на этом свете.
Я беден был вчера, сегодня стал богат,
Но завтра пешим всем опять я буду брат.
Так пышности моей один лишь день блистает...

<...>

(18)

Нетщето, Ферзен граф, тебе я стал знаком.
Доселе я ходил на трех ногах пешком,
Сегодня я в твоей карете разъезжаю
И пешеходам в дар их грязь иль пыль бросаю.
Вчера я беден был, сегодня стал богат,
А завтра пешим всем опять я буду брат.
Так пышности моей один лишь час блистает...

<...>

(30)

Со временем таких прошений-записок становится все больше. Рубан писал их разным адресатам практически еженедельно, а порой и по несколько в день. При этом сочинительство было для него тяжелым трудом, свидетельством чего служат измаранные черновики и многочисленные варианты, а также следующее стихотворное требование платы за надгробную надпись:

Ты, Хлебникова, мню, совсем не ожидаешь
Писаний от меня, но если ты скучаешь,
Что долго я к тебе, быв скорбен, не писал,

²³ Подобные опыты использования одного и того же шаблона, в котором делались минимальные изменения (иногда заменялось только имя адресата) у Рубана часты. Так, например, по одному шаблону написаны послания Зоричу (3: 119-120) и Мусину-Пушкину (4: 15); поздравления Демидову (3: 165) и Самойлову (4: 35); Потемкину (2: 27) и Дунину (4: 53).

То вот писать к тебе нынъ случай мне предстал.
 <...>
 По просьбе я твоей писал за упокой,
 Но ты уехала, и не простясь со мной,
 То ныне чрез письмо тебя я поцелую.
 <...>
 Я все еще живу тебе в известном граде
 И мышлю о твоей за надписи награде.
 Известно вам, что я два сорта их писал,
 Но благодарности поныне не видал.
 Иль скудный богачу трудиться должен даром?
 Вы сыты, сыт и я богатой кухни паром.
 <...>
 Не знаю, что возьмет художник за работу,
 А моему цены не назначаю поту.
 Для ближних я его немало тщето лью
 И вам на произвол труд старца отдаю.
 <...>
 (19)

Кроме “вещных” просьб, у Рубана были и “невещественные”: например, о его статусе или о поддержании и расширении круга знакомств. Условно можно очертить четыре круга знакомств Рубана: 1) сослуживцы и начальники по службе (куда входили встречавшиеся Рубану на том или ином этапе его карьеры государственные особы, высокопоставленные вельможи), 2) земляки (выходцы из Украины, Курского наместничества, Белгорода и выпускники Киево-Могилянской академии), 3) купцы и зажиточные помещики и 4) духовенство. Среди стихотворений Рубана выделяются послания, в которых он просит познакомиться его с влиятельными людьми.

От друга твоего я, Тарсуков, узнал,
 Что ныне твоего рожденья день настал.
 Быв одолжен твоим и зятем, и сестрою,
 Я познакомиться давно желал с тобою,
 Но случая к тому удобна не имел.
 Благоприятный сей мне случай днесь приспел.
 <...>
 (22)

Рубан использовал связи и знакомства²⁴ для повышения своего социального статуса — в следующем стихотворении он просит о билете в Таврический сад, прогулка по которому предоставляла возможность не только насладиться его красотой, но и лично поговорить с влиятельными людьми:

По воле Росския Паллады, Турчанинов,
 Ты стал начальником цветущих роз и кринов!
 <...>

²⁴ П. И. Турчанинов, адресат следующего послания, был управляющим канцелярии Потемкина, где служил и Рубан.

Не позабудь прислать для вход в сады билета,
 О чем пред сим тебя в Таврическом дворце
 Покорно честь имел просить лицом в лице.
 <...>
 (11)

Рубан неоднократно отмечал в своих стихотворениях, что воспринимает их и вменяет своим корреспондентам в качестве оплаты за оказанную ему помощь и услуги (или, наоборот, он требовал платы за стихи). А. И. Арсеньев по этому поводу писал: “И с рылом Рубан наш пушит всех похвалами, / Сбирает денежки и торг ведет стихами”.²⁵ Старых и новых меценатов он призывал к продолжению меценатства (так он обычно завершал свои послания), напоминал о благодетельствах их умерших родителей, дядьев, дедов и призывал потомков следовать их примеру. Например, в послании П. Е. Родзянко Рубан напоминает, чтобы жена адресата не забывала его: “Мне дядя был ее и друг и благодетель / И одолжений быв различных мне содетель, / Пока живу, его не можно мне забыть, / Он и племяннице влил дух меня должить” (3: 29). Подобное видим и в послании к Н. Н. Демидову: “Мне твой родитель был и дядя благодетель, / Им щедрости была врождена добродетель, / Они покоятся уже в блаженном сне, / Ты благ споспешником по оных буди мне” (3: 24).

Таким образом, четвертую категорию бытовых стихотворений Рубана составляют произведения, в которых выражена вовлеченность автора в жизнь столицы, поддерживаемая повторяемостью посланий, просьб, благодарений. Примеры осмысления профессиональных обязанностей и подобной континуальности можно найти в следующем послании к А. Н. Самойлову:

Рождение твое, Самойлов Граф, пою
 И исполняю тем обязанность мою
 За ласки, мне твоим являемы покровом,
 Что милостивым ты меня приемлешь словом
 И радостным лицом во всякий мой приход.
 <...>
 (27)

Столкновение категорий праздничной, публичной окказиональности такого рода литературы с авторским субъективизмом служит формирующим фактором риторики и поэтики посвящений Рубана. Социальная динамика отношений между патроном и поэтом, для которой характерен диффузный взаимообмен культурными и экономическими ценностями, при этом не уничтожает быт, а только подпитывает его, побуждает к повторяемости подношений. Такая периодичность подчеркнута Рубаном в поздравлении П. И. Новосильцеву:

В твой, Новосильцев, дом когда ни прихожаю,
 Всегда тебе стихи на что-нибудь вручаю.²⁶
 То сей ли без стихов день будет пропущен,

²⁵ Цит. по: В. П. Степанов, “К истории литературных полемик XVIII в. (‘Обед Мидасов’),” *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год* (Ленинград: Гуманитар. агентство “Акад. Проект,” 1978), 143.

²⁶ Ср.: “Ты ведаешь, что я тебе на всякий год / В сей день трудов моих препровождаю плод, / Прими с приятностью мою невежну службу / И продолжай твою мне драгоценну дружбу” (3: 104).

Который твоему патрону посвящен?

<...>

(15)

Другая волнующая Рубана тема, поднимаемая в стихотворениях, — это протест и обида за унижение, несправедливость, учиненную ему патроном:

Куренья вредны мне и пьяных крики хоров

Беседы такожде С.. ..П...

Один за пару груш, другой, дав книг завод,

Изволит гневен быть, тому другой уж год

Начнется в двадесять шестого сентября.

<...>

Трапеза у него как сад во Палестине...

<...>

(26)

Для этого типа стихотворений характерна открытость чувств Рубана, неклишированная искренность проявлений стыда (“И так за нужно счел, хотя и неприлично, / О том же и теперь тебя просить вторично”; “Ты стыдным лишь сего не назови пороком, / Что благотворности я привлекаю слогом”; “Что я сие пишу неложно и нелестно / Как многим, и тебе то самому известно”), возмущения (“Иль скудный богачу трудиться должен даром?”), сожаления (“Не буди огорчен моими лишь словами”); смущения, связанного с осмыслением ремесла (“И если скромности твоей я не нарушу, / Что благодарный стих тебе я сей пишу”). Эти проявления показывают, как то, что писал Рубан, затрагивало его интересы и ценности, становилось свидетельством переживания. Естественные, живые элементы, идущие от переживаний и чувств поэта, сочетаясь в стихах Рубана с заданными формальными шаблонами, образуют противоречивую целостность действительного и мнимого, реальных черт и штампов. Это приводит к постоянным переключениям между культурными регистрами, уходу от официального и допустимого в бытовое, насущное.

Из контекста предыдущего стихотворения ясно, что Рубану приходилось терпеть унижения и “за пару груш”. Кроме того, упомянутый обед (20) положил начало конфликту: сперва А. И. Мусин-Пушкин обещал напечатать за свой счет перевод книги “Путешествие Мартына Баумгартена”, затем отказал, а Рубан в свою очередь разразился язвительным стихотворным (25) обличением обмана с перечислением всех присутствовавших при обещании свидетелей. Видимо, это сочинение было разослано многим людям с надеждой усовестить обещателя, что возмутило Мусина-Пушкина, который после этого и вовсе отказал Рубану в посещениях своего дома. Своеобразная утрата статуса выражается в обиде за “забытые стихотворные услуги”:

Днесь, П[ушкин], к твоему я хаживал столу

И именинную певал тебе хвалу

Для милости твои и твоя супруги,

Но стихотворные забыты уж услуги.

<...>

(28)

Рубан жалуется не только на отказ от дома. Порой обида на несложившуюся судьбу, на то, что сослуживцы обошли его, переходила в бестактное негодование, требование или даже в выговор меценату:

Три раза напоен парнасских бывши пойлов,
Три раза я к тебе в стихах писал, Самойлов.
Иль нужно, чтоб еще о мне в четвертый раз
К тебе предстателем был тщательный Парнас?
Итак, предстательство его употребляю
И просьбу прежнюю здесь паки повторяю:
Дабы в течении ты нова лета дней
Мне семь сот пятьдесят в год пенсии рублей
От росской испросил прещедрыя Паллады,
Которой тридцать лет я ревностно служу.
<...>
Что я сие пишу неложно и нелестно,
Как многим, и тебе то самому известно.
<...>
(8)

Если сравнить это стихотворение с вышеупомянутым увещанием Хлебниковой по поводу неоплаченной надгробной надписи (“Иль скудный богачу трудиться должен даром?”) и случаем, когда Рубану отказали от дома (“С сего же дня уже мне дом его неведом, / Ниже свидания имею больше с ним”), то проясняется социальная ситуация поэта-наемника, зависящего от прихотей меценатов и заказчиков.²⁷ Осмысление собственной судьбы появляется в следующем дружеском послании к П. Е. Родзянко:

И яблоки твои, и виноточна склянка
Мне дружбы твоя залога суть, Родзянка.
[В че]тырех яблоках зрю столько ж частный свет,
А светлый склянки вид мне мысли подает
Добраться до ее из недр земных начала.
Не видна в пепле быв, в стекле прозрачна стала.
Подобно такожде и многих зрим людей,
Чуть примечаемых в ничтожности своей.
Но те ж лишь счастием на свете отличатся,
То и способностям их люди уж дивятся.
Таков и есть, и был, таков и будет свет.
И новых, следственно, в нем и предметов нет.²⁸

²⁷ Вслед за Л. Я. Гинзбург эту тему освещает В. А. Западов (В. А. Западов, “Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина”, XVIII век, Сб. 16 (Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1989), 56-75).

²⁸ з: 21. Родзянко, Петр Еремеевич (1756—1808) — надворный советник, полковник, дворянин Екатеринославского наместничества, советник Казенной палаты Екатеринославского наместничества, генерал-губернатором которого был Г. А. Потемкин. В другом стихотворении Рубан напоминает, что дядя жены П. Е. Родзянко Евдокии Петровны (урожд. Фалеевой) — М. Л. Фалеев, курский промышленник и земляк Рубана, а также соратник Потемкина, был его давним покровителем (з: 29).

Становится ясна система ценностей Рубана: материальная поддержка — залог дружбы. Перед нами как обесценивание поэзии, сведение ее до уровня разменной монеты, так и ломка жанра и пародия на всю жанровую систему классицизма, ходовую тематику и стиль его крупнейших представителей. Эти стихотворения Рубана можно отнести к второстепенной литературе, которая, по мнению Б. М. Эйхенбаума, представляла собой социальное явление и возникала в процессе разложения жанров.²⁹ Традиция высокого стиля смешалась, сохраняя целый ряд традиционных одических приемов. Быт, таким образом, становился культурной противоположностью абстрактной, декларативной стороны высокой литературы. Показательна также параллель, которую Рубан проводит между судьбой “склянки”, происходящей из низов, “из пепла” и ставшей прозрачной, и счастьем и успехом. Зависть к “чуть примечаемым в ничтожности своей” людям, которым в жизни посчастливилось (а Рубану, видимо, нет), — частый мотив у поэта.

Рубан строит свой стиль на нарастающем ощущении конечности земных наслаждений. В новогоднем поздравлении Мусину-Пушкину (7) видно сначала негодование, а затем — смирение с социальным (“Гордятся предо мной и самы низки лица”) и материальным неравенством (“И разным образом, но каждое питает”). Это неравенство осознавалось Рубаном и отражалось в его стихах. Так, жалобы на судьбу и в то же время некоторое смирение с чередой неудач видим в следующем стихотворении. Рубан, в отчаянии, не без осознания провала собственной карьеры и нереализованных амбиций, ставит в упрек богачам и высокопоставленным меценатам свое унижение за подачки, которые для них ничего не стоили.

Я метил в девушку, попалася молодка.
 Я зреть ходил корабль, а очутилась лодка.
 В ком щедрость я хвалил, того не зрю к себе ще[дрот],
 Но что один корабль, где целый оных флот?
 И может ли себя тот щедростью прославить,
 Кто миллион воды ведр в океан прибавит
 Иль на песчаный кряж горсть выбросит песку?
 (з: 257 об.)

Элементы торжественного стиля в сочетании с бытовыми деталями приводили к бурлескности. Однако отличие текстов Рубана от скарроновского, комического типа поэм состоит в их деловом тоне, практичности и серьезности. “Забавный слог”, который все-таки получался при таком смешении, не рефлексировался Рубаном: напротив, он относился к своим опытам серьезно, многократно переписывал их, иногда вычеркивал именно такие “забавные”, удачные места, явно не осознавая их ценности. Примечательно, что Гинзбург, публикуя тексты Рубана, основывалась на субъективном отношении к ним: она иногда не включала вычеркнутые автором строчки, а иногда, видимо, когда ей они нравились, публиковала (к примеру, “Послание Н. Н. Д[емидову] на новый 1795 год” составлено компилятивно из чистового варианта текста с вкраплением вычеркнутых, но наиболее удачных — видимо, по мнению исследователя — фрагментов черного варианта).

Опирающиеся на семантику быта послания Рубана вступали в противоречие, во-первых, с высоким жанром оды, а во-вторых — с отвлеченными понятиями, с которыми он сопряжен: атрибутами власти, музами, богами. Расшатывание литературной нормы, разрушение традиционного уклада, лежащее в основе переноса вещного из бытового мира в мир

²⁹ Б. М. Эйхенбаум, “Теория ‘формального мет’,” *Литература: Теория. Критика. Polemika* (Ленинград: Прибой, 1927), 146-7.

поэтический, делало новый мир изначально неустойчивым и отталкивающим. Будучи оборотной стороной действительности, быт отторгался как принципиально чужеродный поэзии материал.

Несмотря на это, бытовые запросы Рубана все-таки являются поэзией, которая текстуально связывает корреспондентов в конкретной ситуации и создает стилевые константы их поведения. Таким образом, понимание сути дела, по поводу которого участники ведут диалог, указывает как на их общий интерес, так и на приемлемость формы, в которой он ведется. При этом поэтическая форма здесь не только не является препятствием, она, скорее, оказывается благоприятной предпосылкой для адекватной интерпретации стихотворений. Рубан, которому ничто не препятствовало оформлять свои прошения в прозе, намеренно выбирает поэтический модус. Именно такой коммуникативный метод становился идеалом определенности и позволял поэту подталкивать адресата к конкретному восприятию текста.

Смешение практического и поэтического языков порождало новую функциональность высказывания и, возможно, по мнению Рубана, было способно более убедительно склонить мецената к благодению (вспомним вышеприведенное послание к Бееру: “Не в прозе, но в стихах уж оной попрошу” или к Чичагову: “Что благотворности я привлекаю слогом”). Может быть, это была тщетная попытка придать возвышенную форму своим низким призывам, а возможно, как Рубан сам писал в своем журнале *Ни то ни сию*, стихотворство было “прилипчивой болезнью”, от которой он не излечился до конца своих дней.³⁰ Вместе с тем бытовые мотивы его стихотворений смогли преодолеть абстрактность торжественной оды и показать, как автор осмысляет свое ремесло, негодует на судьбу и что он при этом чувствует.

В большинстве случаев, несмотря на “торжественность” и одический посыл, тексты Рубана не являются высокой поэзией. Кроме того, выступая в этой переписке в качестве облагодетельствованного поэта (а не знакомого, друга семьи), он принимает чуть ли не единственно возможный регистр общения, в котором исключительно и подобает поэту (в связи с ролью и статусом) вести разговор с патронами. Поэтому его просьбы — просьбы поэта о все-таки неуместных в поэзии вещах — это намеренно усложненные прошения о меде, муке, вине, которые, для сокрытия всей постыдности положения, сопровождаются мифологической образностью, метафорикой и синтаксическими переносами. Становясь персонажем этой переписки, Рубан практиковал определенный тип поведения, отдавая себе отчет о сути играемой роли и сюжета. Отчасти это выполняло дополнительную, временную социальную функцию: такой модус общения скрывал унижительность положения просителя (избежать которой было бы невозможно при устных или прозаических просьбах).

Наряду с просьбами самого элементарного характера (о продовольствии, дровах) находим также излишества вроде манжет или заграничных платков. Представляется, что при выходе в свет эти вещи играли не менее социально важную роль: при довольно скудном гардеробе (что видно из списка проданных после смерти Рубана пожитков) одежда, карета — являлись атрибутами статуса, достичь которого так стремился Рубан в высших кругах столичного общества. Бытовая поэзия Рубана возвышала его до диалогического равенства с корреспондентами. Родольф Боден, анализирующий риторику писем Радищева к Воронцову, пишет о таком неофициальном равенстве, а также о функциональности этих писем: они были предназначены для того, чтобы развлечь мецената, а также напомнить ему о тяжелом

³⁰ *Ни то ни сию* в прозе и стихах: *Ежесубботное издание 1769 года*. Изд. В. Г. Рубан (Санкт-Петербург: типография Академии наук, 1769), 157.

положении находящегося под покровительством литератора.³¹ В этом понимании интенции Радищева и Рубана сходны.

Если рассматривать эти тексты не только как поэзию, но и как частную переписку, то становится ясно, почему автор не предназначал их для публикации. В системе классицизма с четким разделением видов литературного творчества содержание и форма которых предопределены правилами, осознание поэтом жанровой специфики произведения становилось решающим фактором в локализации его в системе собственного творчества. Рубан строго разграничивал материалы, подлежащие и не подлежащие обнародованию. Поэтому бытовые стихотворения, тесным образом связанные с моментом их создания, следует рассматривать в рамках их сиюминутной функции в конкретном коммуникативном процессе; они не были рассчитаны на восприятие потомками. Так, в стихотворении на новоселье А. А. Саблукова Рубан пишет о посланиях такого типа в самой прямой форме: “Я не желаю сам, чтоб шли они в потомки” (з: 23б). При крайней узости читательского круга значение этой поэзии не перерастало границ локального интереса. Лишь адресатам Рубана был понятен деловой и эмоциональный тон его обращений, их образы, тропы и мотивировка. Именно поэтому реакция читателя, который адекватно понимал стратегии поданного ему текста и откликался на просьбы, отлична от реакций тех современников поэта, которые высмеивали его за создание таких стихов (см. вышеупомянутые реплики Капниста, Арсеньева, Богдановича и других).

Таким образом, мы говорим как минимум о двух типах прочтения одного и того же текста. В первом случае Рубаном создавались четкие практические и функциональные связи между читателем и литературным текстом, обозначающие перспективы восприятия. Интерпретация текста, которая совершалась в этом модусе, не подрывала стратегии автора. Во втором случае прочтение основывалось на читательских ожиданиях не конкретных адресатов этих текстов, а случайных людей, которым они попадали в руки или которые слышали о них от третьих лиц. Они видели в этой поэзии объект эстетического восприятия (а литературная форма, в которую Рубан облакал свои просьбы, предоставляла для этого все предпосылки). Интерпретации Гинзбург и Западова, таким образом, продолжали эту долгую традицию презрительной оценки бытовой поэзии Рубана с точки зрения субъективного вкуса, не находившей к ней удобного подхода. Именно несоответствие горизонтов ожидания текста и читателей способствовало такой оценке, тогда как читатель первого типа был подготовлен к восприятию произведения, поскольку ему заранее были известны все нормы, по которым оно написано (жанровые, стилевые и социальные), и, следовательно, произведение не представляло для него неожиданности и не приносило эстетического разочарования. В связи с этим мы считаем, что смысл бытовой поэзии Рубана актуализируется в процессе именно такой конкретизации. Таким образом, задача данной работы состояла еще и в том, чтобы реконструировать то, как читали и понимали бытовые стихотворения Рубана его адресаты, и восстановить первоначальные особенности этого прочтения.

Черновики Рубана очень измараны, а орфография и пунктуация в них по меньшей мере непоследовательна. Некоторые стихотворения записаны его писарем, вероятно со слуха, что объясняет характерные описки (у Рубана был писарь от Военной коллегии, Гавриил Варенцов (1: 22 об), почерк которого на расписке о получении завещанных Рубаном ему 50 рублей идентичен почерку, которым написаны многие стихотворения (1: 27 об)). Публикуемые материалы приводятся в современной орфографии и пунктуации с устранением явных описок. При наличии нескольких редакций одного и того же стихотворения текст дается по

³¹ Р. Боден, “Простота стиля и конструирование идеального эпистолярного ‘я’: пример писем из ссылки Александра Радищева,” *Avtobiografija*, 2 (2013): 25-35.

последнему, максимально близкому к чистовому варианту. В некоторых случаях в сносках приводятся варианты отдельных строк, демонстрирующие любопытные для нашего исследования колебания автора при выборе окончательной формулировки. Стихотворения в приложении публикуются в хронологическом порядке.

Приложение Неизвестные стихотворения Василия Рубана

Точная дата написания неизвестна (1793—1795)

1.

Благодарение
Ее превосходительству
Катерине Алексеевне
Музиной-Пушкиной
за подарок

Исполнившийся зрю твой, Пушкина, обет!
Три пары от тебя в дар получив манжет,
Благодарить тебя и честь, и долг имею
И вечную к тебе преданность печатлею
Душою, мыслями, и сердцем, и умом,
И словом языка, и действуя пером.
<Но прежде прахом я во гроб вселившись буду,
Чем благодарность я твою и честь забуду.
И прежде в прах сии манжеты обратятся,
Чем мысли о тебе благие истребятся>.³²

2.

15 июня 179_

Так! и 4-я манжет явилась пара,
Любезна Пушкина! Часть твоего же дара,
За кою я тебя теперь благодарю
И новые за то стихи тебе творю.
Не за излишний труд, но за приятный ставлю,
Что добродетели твои стихами славлю.
Любительница ты художеств и наук,
Прими усердное моих творенье рук
С той лаской, как всегда стихи мои читаешь
И чтением своим их цену умножаешь.³³

³² 3: 242. Последние четыре строки зачеркнуты. Екатерина Алексеевна Музина-Пушкина, (1754—1829), урожденная Волконская, жена графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, адресата стихотворений 7, 20, 25, 26 и 28; сестра П. А. Волконского, адресата стихотворения 14. Написано не позже 26 сентября 1794 (см. прим. к 25, 26, 28).

³³ *Вариант:* И к новым тем меня трудам воспламеняешь.

И чтоб приятность их коснулася души,
Прочтя сие, мое ты счастье соверши.³⁴

3.

Граф З[убов], у тебя со молнией Перун!
Я аполлоновых владетель звонких струн.
Твой устрашает гром смятенную Варшаву;
Я русских возгласить вождей намерен славу
И ратны подвиги соотчичей моих,
Коль смертью жизнь моя не кончится и стих.
Но прежде нежели во мраке гроба скроюсь,
О содержании здесь жизни беспокоюсь;
Но многомоцием своей ты, граф, руки
Остаток дней моих в спокойство облеку.
Зимой в течении грядущего днешь лета
От моего к тебе усердного привета,
Коль он дошел к тебе и ты его прочел,
То службу ты мою и нужду ясно зрел.
Потем и повторять здесь просьбы не дерзаю,
Но список прежнего прошенья прилагаю.
В свободный час ты оный прочитай
И беспомощному пииту помощь дай.
Но ежели тебе дел важных недосуги
Препятствуют читать неважные заслуги,
То в награждение за искренний привет
Единого прошу, скажи мне: да иль нет!³⁵

4.

Щедротю твоей десницы, Энгельгардт,
Я вещи выкупил, которые ломбард
В закладе у меня имел за малу цену.
Виновником ты стал свободы их из плену.
И веселился я немалый ими час,

³⁴ З: 242.

³⁵ З: 197. Первые две строки совпадают с пеаном А. В. Суворову-Рымникскому: “Суворов! У тебя со молнией Перун! / Я Аполлоновых Владетель звонких струн” (В. Г. Рубан, *Пеан, или Песнь на победы, одержанные генералом графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымникским над мятежниками польскими... 6 и 8 сентября 1794 года* (Санкт-Петербург: Тип. Гос. Воен. коллегии, 1794). Платон Александрович Зубов (1767—1822) — граф, последний фаворит Екатерины II, участник подавления польского восстания 1794 года. После смерти Потемкина Рубан начал осваивать новый, антипотемкинский круг влиятельнейших государственных особ, среди которых были А. Н. Нарышкина, Н. И. Салтыков, П. А. Зубов. В данном стихотворении Рубан напоминает Зубову о прощении ходатайствовать перед императрицей назначить ему пенсию в 750 рублей (опубликовано Гинзбург). Впрочем, Рубан не отличался (разве что прямою своих прошений) от его современников-поэтов, например, Г. Державина, который искал покровительства Зубова и воспел его в стихотворении “К лире” (Г. Р. Державин, *Сочинения Державина: [Т. 1-9] с объяснительными примечаниями [и предисл.] Я. Грота*, Т. 1. (Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1864—1881), 598—603; далее цитаты по этому изданию даются с указанием тома и страницы).

Но принужден в заклад отдать в другой был раз;
 И к горести моей, ущерб и урону
 Все вещи проданы сии уж с аукциону
 За цену малую, и то, что я копил,
 Немилосердый млат в минуту подхватил.
 Лишился я вещей, надежды не лишился!
 О, если бы тогда ты в городе случился!
 Ты, верно б, в крайности мне этой пособил;
 К несчастью рок меня с тобою разлучил.
 Ты б утешеньем был мне в горестной судьбине,
 Прости мне, что к тебе я не писал поныне.
 За грустью некогда мне было и писать,
 Но благодарность я к тебе всегда питать
 За милости твои к себе за долг считаю,
 И в знак усердия к тебе я посылаю
 Различных здесь моих собрания стихов.
 Ты продолжать ко мне свой не оставь покров.³⁶

1793

5.

Благодарение
 Его высокоблагородию
 Алексею Филипповичу
 Надаржинскому
 за присланный лорнет 2 марта 1793

Во свете я твоим зрю, Надаржинский, свет.
 Богатыя руки твой присланный лорнет
 Предметы мелкие мне крупными являет
 И тупость моего тем взора исправляет.
 И нову зрениа приявши остроту,
 Благотворительным ты светодавцем чту.
 И то к числу твоих я причитаю благ,
 Что ты на крупную мне мелких дал бумаг.³⁷

6.

28 декабря 1793 года

Я дома все лежу, одевшись в тулуп,
 И сорочинский ем с корнем разным суп,

³⁶ 3: 246. Василий Васильевич Энгельгардт (1755—1828) — действительный тайный советник, сенатор, племянник князя Г. А. Потемкина; разбогател, унаследовав часть его состояния.

³⁷ 4: 32. Алексей Филиппович Надаржинский (1747—1799) — харьковский помещик, губернский предводитель, секунд-майор в отставке, сенатор.

Но к пище должного лишаюсь аппетита,
 И нужна для сего мне рюмочка лафита.
 Когда его у вас я за столом пивал,
 На кушанье меня он сильно позывал.
 Я требовал одной, две склянки вы прислали
 Напитку сладкого и оным доказали
 Сугубую ко мне вы милость, и я лщусь,
 Что и лафитом я от вас же наделюсь,
 Коль в погребу у вас в наличности найдется,
 А буди нет, то пусть и просьба остается
 Без исполнения, и лучше гладным быть
 Хочу, чем просьбою не дельной вас трудить.
 О вашей здравии желаю знать ноги:
 Уже ль вздеваете чулки и сапоги
 И ходите ль уже свободно по покою?
 Снабжен желаю быть я ведомостью тою.
 Еще прошу, когда ваш будет врач у вас,
 Пришлите вы его ко мне на малый час
 Спросить о врачевстве, а больше о совете:
 Нельзя ли выехать мне будет хоть в карете,
 Коль на извозчичья нельзя воссесть осла?
 Но полно для сего уже писать числа.

17 н/16 94³⁸

1794

7.

Его Превосходительству
 Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину
 на новый 1794 год

Год новый наступил; мы, Пушкин, стары стали.
 Тебе веселия, мне прибыло печали.
 Ты в крепость, в слабость я телесну облечен,
 Твой дом обилием, мой скудостью снабден.
 Кареты, лошади — все у тебя готово;
 На стихотворное лишь я обилен слово.
 Прекрасну ты жену и милых видишь чады,
 Я и надежды их иметь лишен отрады.
 Ты видишь милости к себе Императрицы,
 Гордятся предо мной и самы низки лица.
 Но оба весело мы новый год начнем
 И благодарные моленья принесем
 Всевышнему, что он жизнь нашу продолжает

И разным образом, но каждого питает.
 Семь тысяч бо прошло и с лишком 300 лет,
 Как сей десницею его устроен свет
 (По исчислению россиян, как и греков).
 Семидесяти трех в течении сих веков
 Премножество в себе зрел свет сей перемен:
 Исчезла тьма, и тьма возникла вновь племен.
 Где Троя, Вавилон и где Афины были,
 Остатки там одной окаменелой пыли.
 Где жили мудрецы или богатыри,
 Гнездятся там теперь одни нетопыри.
 А между тем, мирской из суеты сует,
 Как мудрый Соломон в стихах своих поет,
 Других рождается народов сильно племя,
 И каждой вещи есть свое особо время.
 Родиться, подрасти, во прах же после пасть
 Есть всех и каждого на свете смертна часть.
 Что было с прежними, и с нами будет тоже,
 Но управляющий премудро миром, Боже,
 Жизнь верных под твоим покровом соблюдай
 И Пушкина во всем желанье исполняй.³⁹

8.

Его высокопревосходительству
 Александру Николаевичу
 Самойлову

Три раза напоен парнасских бывши пойлов,
 Три раза я к тебе в стихах писал, Самойлов.
 Иль нужно, чтоб еще о мне в четвертый раз
 К тебе предстателем был тщательный Парнас?
 Итак, предстательство его употребляю
 И просьбу прежнюю здесь паки повторяю:
 Дабы в течении ты нова лета дней
 Мне семь сот пятьдесят в год пенсии рублей
 От русской испросил прещедрыя Паллады,
 Которой тридцать лет я ревностно служу.
 Но службы здесь моей в подробность не вхожу,
 Зане обещаны всем от нея награды,
 Кто при вожде ее таврическом служил.
 Осьмнадцать лет при нем я беспрерывно был,
 Преж Турчанинова, Вершницкого, Чулкова,

³⁹ 4: 15. Первые шесть строк совпадают с посланием Зоричу (3: 119). Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744—1817) — граф, государственный деятель, археограф, историк, собиратель древностей. Член Российской академии, президент Академии художеств. Мусин-Пушкин был для Рубана не только меценатом, но также образцом собирателя рукописей, историка и издателя. В посланиях к нему поэт неоднократно вспоминает о богатой библиотеке Мусина-Пушкина.

Бушуева и их преемника Попова.
 Я из сенатских взят к нему секретарей,
 Правителем его был письменных идей,
 И в прозе, и в стихах и день, и ночь трудяся,
 Нередко бодрствовал, спать сутки не ложаяся,
 Через что и зрение, и слух мой потерял
 И более уже служить не в силах стал.
 Что я сие пишу неложно и нелестно,
 Как многим, и тебе то самому известно.
 Ты сам свидетелем явись моих трудов
 И исходатайствуй мне милость и покров
 Во наступившее щастливо ново лето,
 И сердце быв мое щедротами согрето,
 Во мрачной слепоте увидит светлый день,
 И дяди твоего тем усладится тень.
 Я тенью сей тебя прошу и умоляю
 И дней моих тебе остаток посвящаю.
 Ты, знатных наряду и сильных знав особ,
 Потщися пособить идущему во гроб
 И, благотворного лучу подобно Феба,
 Для жизни краткой мне доставь насущна хлеба.
 Сей в новый год тебе я подношу привет,
 Желая щастия тебе и долгих лет.

Января дня,
 1794 года.⁴⁰

9.

Благодарение
 Его превосходительству
 Петру Ивановичу Новосильцеву
 за оказанную милость
 27-го февраля 1794-го года

Наместо одного⁴¹ в дар три куля муки
 От Новосильцева мне прислано руки.
 В нем благотворного себе я вижу Феба⁴²

⁴⁰ 4; 16. Александр Николаевич Самойлов (1744—1814), граф, государственный деятель, племянник Г. А. Потемкина, генерал-прокурор Правительствующего сената, управляющий комиссией о коммерции, государственный казначей. Рубан служил секретарем и переводчиком Г. А. Потемкина с 1774 по 1791 год. В этом стихотворении он жалуется на несправедливость того, что прослужившие при Потемкине менее его получили награды по смерти князя, а Рубан — не получил. Турчанинов — см. комментарий к стихотворению 10; Василий Степанович Попов (1745—1822) — секретарь Потемкина; Алексей Михайлович Бушуев — полковник, до 1783 года служил при Потемкине в канцелярии Астраханской губернии и главном кривс-комиссариате; Михаил Гаврилович Вершницкий (1750—1779) — обер-аудитор Потемкина (РНБ 139/1059); Василий Васильевич Чулков (1743—1792) — подполковник, служил при Потемкине (Адрес-календарь, 81-61).

⁴¹ *Вариант:* За пару калачей...

И действию сие приписываю неба,
 О благоденствии недремлюща моем.
 Но что воздать могу и восхвалити чем
 Того, кто милости сея мне был содетель?
 Пускай сама его восхвалит добродетель!
 Сей справедливее не может быть хвалы,
 И мрачной зависти она затмит хулы.
 Низвергнется сама собою в бездну злоба.
 Я благодарным быть не премину до гроба.
 Уж пятьдесят и два лет жизни я провел,
 Но бог меня досель кормил, поил и грел.
 Щедрот его к себе я вечно не забуду
 И прославлять его в похвальных песнях буду,
 Доколе же дышу, и тех благодарить,
 Кто будет волей мне его благотворить.
 Сих благодетельных моих в числе кормильцев
 Находишься и ты, любезный Новосильцев.
 Ты накормил меня, прошу еще, согрей
 И двух сажений дров прислать не пожалей,
 Да теплота твоя мне будет, как и пища.
 Блажен муж, — рек Давид, — кто понимает нища,
 В день лет освободит его творец от бед,
 Ниже успеет что над ним отец клевет.⁴³

10.

На отъезд
 Алексея Филипповича
 и Настасьи Николаевны
 Надаржинских
 из Петербурга в Украину
 марта дня 1794 года

Разлуки горькия день с вами настает.
 До слез меня тронул печальный сей предмет.
 Я целый кормлен год был вами здесь досыта,
 Довольно было мне и меду, и лафита.
 Я помню в прошлый год в сей месяц снедь млека,
 Которо ваша в мой прислала дом рука,

⁴² *Вариант:* На весь мне будет год сего дополно хлеба.

⁴³ 4: 19. Петр Иванович Новосильцев (1744—1805) — действительный тайный советник, сенатор, генерал-провиантмейстер Военной коллегии, управляющий хлебным и дровяным магазинами (Адрес-календарь, 94-47, 114). Жена Новосильцева, Екатерина Алексеевна (урожденная Тарсукова) — сестра А. А. Тарсукова, адресата стихотворения 22. Вероятно, распорядиться казенным провиантом как своим собственным для Новосильцева было не ново — Державин пишет о случае, когда Новосильцев “раздал частным людям” четыре тысячи кулей хлеба, взяв себе тысячу (Т. 6, 621—622). Возможно, в связи с этим Рубан, которому из четырех тысяч украденных кулей перепало три, писал: “И может ли себя тот щедростью прославить, / Кто миллион воды ведр в океан прибавит / Иль на песчаный кряж горсть выбросит песку?” (3: 257 об.)

За кое первы к вам стихи мои составил
И промысл о себе небесный в них прославил.
Я помню, и всегда я буду помнить вас,
А может быть, еще и в Тростянец мой глас
Или и в добрую достигнет вашу волю,
Где будущу мою вам возвещу я долю.
И одолжения различны ваши мне
В ответственной всегда их качеству цене
Потщусь в душе моей и памяти хранить,
Доколе дней моих не прекратится нить.
А между тем, и вы меня не забывайте
И хотя изредка, однако извещайте,
Где будете вы жить, дабы я знал, куда
К вам письма посылать и опыты труда,
Когда стихи трудом мне называти должно:
Нетрудны мне они, вещаю вам неложно.
А паче для людей любезнейших таких,
Как вы, стихи теперь почти в единый миг.
И удовольствием отменным то считаю,
Как время с вами я мое препровождаю.
Но драгоценное то время уж прошло:
Хоть скоро моего рождения число
Наступит, но оно без вас мне будет скучно.
При вас бы было мне оно благополучно,
Как и грядущий день по оном именин,
Но где бы ни был ваш во дни сии притин,
Вы рюмкою меня вина не позабудьте,
Здоровы, веселы и долголетны будьте!
Да благосчастие повсюду вас ведет!
Вот, Надаржинские, вам на отъезд привет.⁴⁴

п.

10 июня 1794 года С. П. бург

По воле Росския Паллады, Турчанинов,
Ты стал начальником цветущих роз и кринов!
Мне добротворная твоя известна грудь,
Благотворителем и мне возможным будь!
Для знойного уже начавшегося лета
Не позабудь прислать для вход в сады билета,
О чем пред сим тебя в Таврическом дворце
Покорно честь имел просить лицом в лице.
О сем же и теперь мольбу усугубляю
И с почтой от тебя билета ожидаю.⁴⁵

⁴⁴ з: 221. Анастасия Николаевна Надаржинская (1769—1830) — урожд. Тютчева, тетка Ф. И. Тютчева.

12.

Благодарение
Его высокопреосвященству
Гавриилу,
Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому,
за бутылку
прекрасного меду
22 июня 1794 года

Ужасной жаждою томил мя летний зной,
Но жажду мне пресек мед, Гаврииле, твой!
Насытившись его я сладкими струями,
Благодарю тебя усердными стихами
За милость, кою мне сим питием явил
И полумертвого ты силы укрепил.
Да продлит жизнь твою вселенная содетель.
Я прославлять твою век буду добродетель.⁴⁶

13.

20 августа 1794

Для услаждения недужливыя глотки
Просил я у тебя голландския селедки
Привоза нового, но видно, ты забыл
И даром сим еще меня не одолжил.
Итак, за нужно счел, хотя и неприлично,
О том же и теперь тебя просить вторично.
Итак, когда тебе я сим не досажу,
Не в прозе, но в стихах уж оной попрошу.
Мне эта снедь мила, как дамам летом веер.
Бочоночка прислать не поскупися, Б[еер].⁴⁷

⁴⁵ з: 116. Петр Иванович Турчанинов (1746 — после 1823) — генерал-поручик, управляющий канцелярии Г. А. Потемкина, где служил Рубан; кабинет-секретарь Екатерины II, член Российской академии, в 1794 году был назначен управляющим Конторой строения е. и. в. домов и садов (Адрес-календарь, 94-111).

⁴⁶ з: 264. Гавриил (Петр Петрович Петров-Шапошников, 1730—1801) — митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский и Ревельский, член Святейшего Правительствующего Синода. Богослов и проповедник, член Российской академии. Брат Варлаама (Василия Петровича Петрова-Лавровского), с которым Рубан учился в Киево-Могиланской академии.

⁴⁷ з: 205 об. Андрей Андреевич Беер (174?—1820) — советник таможенных дел. У Рубана сложился круг знакомств в Таможенной службе. Как видим, он обращается не только к Бееру, но и к П. И. Даеву (23), обер-цолкнеру Санкт-Петербургской портовой таможни. Связи с таможенными чиновниками могли обеспечить его заграничным провиантом (голландская селедка, вина, табак) и иной редкой (и, видимо, беспошлинной или даже бесплатной) продукцией (к Даеву: “Из мокрых или же и из сухих вещей”).

14.

24-го августа [1794]

На именины князя Петра Алексеевича Волконского

В нечаянный сюда сего числа приход
 Узнал, что начал ты, Волконский, новой год.
 Ты именем Петра изображаешь камень,
 И дружбы верная в тебе пылает пламень,
 Завидных бывши полн свойств тела и души.
 Желаньям о тебе приятеля вкуши.
 Да многи проживешь во счастья ты лета
 Без оскорбления, без скуки, без навета,
 Недвижим, якоже гора у вод морских.
 Вот мой приветственный тебе, Волконский, стих,
 Сотканный во твои внезапу именины
 По мыслям твоя сестры Екатерины.
 Сия поэзия ей бытием должна.
 Ты рюмку поднеси шампанского вина
 Всею поздравляющей тебя в дому беседе,
 А для того вели бутылке быть в обеде.
 В. Р.
 В час обеда⁴⁸

15.

На день тезоименитства
 Его превосходительства
 Петра Ивановича
 Новосильцева
 24 августа 1794 года

В твой, Новосильцев, дом когда ни прихожаю,
 Всегда тебе стихи на что-нибудь вручаю.
 То сей ли без стихов день будет пропущен,
 Который твоему патрону посвящен?
 У именинника сегодня за обедом
 Нечаянно о том соделался я сведом,
 Чему свидетелем и толстый тот Козьма,
 У коего рублей есть больше, чем ума.
 Затем, что ум один, рублевиков же много,
 И не заботится о разуме он строго,
 О деньгах, напротив, заботлив он всегда.
 И день, и ночь его по городу езда

⁴⁸ з: 213. Петр Алексеевич Волконский (1759—1827) — князь, бригадир, брат Екатерины Алексеевны Мусиной-Пушкиной, упомянутой в стихотворении (она же — адресат стихотворений 1, 2). Незапланированный визит на именины Волконского случился, вероятно, по прихоти, “по мыслям сестры Екатерины”, которая привела с собой поэта, чтобы тот сочинил поздравление.

К одним богатым лишь, убогих он не знает
 И удовольствие свое в том полагает.
 Но полно мне об нем нехстати говорить,
 Я должен петь того, кто днес тезименит.
 С днем ангела его усердно поздравляю,
 Чего желаешь сам, того ему желаю.⁴⁹

16.

25 августа 1794

Просил я у тебя, любезный друг Кутузов,
 Не для шитья картузов,
 Но для шитья чехлов
 Портного из хохлов.
 Он был и взял к себе чинить сюртук мой старый,
 Но видно, загулял в царево доме с чарой,
 Что не является уж третий день ко мне.
 Не утонул ли он иль в пиве, иль в вине?
 Пожалуй, прикажи об оном поразведать
 И дай мне знать, когда прийти к тебе обедать.
 В хвалу их посвящу последни дни мои,⁵⁰
 И дондеже еще дышать я буду в силе,
 Все буду петь, пока не преселюсь к могиле.
 Что я уже давно в объятых недуга,
 Услышишь ты сие от брата и супруга,

⁴⁹ 3: 173. Это стихотворение написано в тот же день, что и предыдущее поздравление П. А. Волконскому. Рубан, вероятно, пишет о том, как он случайно узнал об именинах Новосильцева во время праздничного обеда у Волконского. В строке “Чему свидетелем и толстый тот Козьма” слова “и толстый тот” написаны над тщательно зачеркнутыми словами “Медведев есть”. Козьма Афанасьевич Медведев — надворный советник Иркутской казенной палаты; его сын, Василий Козьмич Медведев, — подчиненный Новосильцева, который состоял генерал-провиантмейстером в главной провиантской канцелярии (Адрес-календарь, 94-75). Вероятно, поэтому Новосильцеву ясно и без фамилии, о ком идет речь; кроме того, неупоминание фамилии при описании личных качеств Козьмы — соблюдение пристойности. В августе 1794 года Медведевы хлопотали о дворянстве и оба находились в Петербурге (РГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 63, стр. 477). “Обычай” переходить с одних именин на другие в круге Новосильцевых-Тарсуковых, а также присутствие случайных людей на празднествах описывает в дневнике В. Н. Зиновьев: “Обедал, в день рождения, у Варвары Ивановны <Кочелевой> <...> Ужинал у именинника случайного Тарсукова <Ардальона Александровича>. Удивительно, как у нас публика людей делает случайными, которые не таковые, и, не могли чрез оных ничего получить, так их перевозит, как будто они половину государства отдать могли!” (В. Н. Зиновьев, “Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии, 1784—1790 годы, Сообщил Н. П. Барышников. Прим. его и кн. А. Б. Лобанова-Ростовского,” *Русская старина: Ежемес. историч. изд.*, Т. 23 (Санкт-Петербург: П. Н. Воронов, 1878): 608).

⁵⁰ Начиная с этой строки скопировано набело из поздравления на тезоименитство Н. В. Салтыковой, поднесенного ей в следующий день, 26 августа (3-230). Вероятно, Рубан наспех комбинировал из других стихотворений послание Кутузову, день ангела которого был 27 августа, не обратив внимание на неуместное упоминание супруга адресата четырьмя строками ниже. Это обычная для Рубана практика использования фрагментов более ранних стихотворений, адресованных к другим людям и вставленных в новые тексты (см. сноску 23).

Которых милости я драгоценны зрю
 И благодарности к ним чувствием горю,
 С моими нуждами ко оным притекая
 И добродетели их свету прославляя.
 И в прошлый год в сей день хотя тебя не зрел,
 Но преданной тебе усердной лирой пел,
 Желая всякого тебе от Бога блага,
 И днесь моим пером начертана бумага
 Предстанет, чтоб тебе усердну сделать честь
 И поздравление с днем ангела принести.⁵¹

17.

6 сентября 1794

Во место мне сельдей ты яблоч обещал.
 Приятный для сего и случай днесь предстал.
 Пришли уж корабли, как слышу я, с плодами,
 Не буди огорчен моими лишь словами.
 Мне эта снедь мила, как летом дамам веер,
 Не поспеши прислать мне бочки яблоч, Б[еер].⁵²

18.

8 сентября 1794

Нетщечно, Яковлев, я стал тебе знаком.
 Доселе я ходил на трех ногах пешком,
 Сегодня я в твоей катаюсь карете.
 Коль чудный оборот вещей на этом свете.
 Я беден был вчера, сегодня стал богат,
 Но завтра пешим всем опять я буду брат.
 Так пышности моей один лишь день блистает
 И паки экипаж мой посох составляет,

⁵¹ З: 174. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1747—1813) — граф, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 года. Это третье обращение Рубана к Кутузову после его возвращения в Петербург из Константинополя, куда он был послан в качестве посла для улучшения взаимоотношений с Турцией. Об этом Рубан пишет в первом, приветственном стихотворении: “Для утверждения соседческих союзов / От россос послан был в Турецию Кутузов” (З: 203). Второе стихотворение, от 19 августа (опубликовано Гинзбург), уже носит бытовой характер: в нем Рубан просит в первый раз прислать портного. Представляется, что послевоенные месяцы для Рубана были “горячей порой”, которую нельзя пропустить, — возвращение высокопоставленных (и хорошо ему знакомых по Военной коллегии) военных деятелей было неплохой возможностью написать оду “на возвращение”, напомнив о себе и вставив в нее различные бытовые просьбы (как видим из стихотворений 21 и 31, при возвращении адмирала Чичагова Рубан также не упустил удобных случаев получить “ощутительну отраду”). Ода на возвращение была подана также графу Ферзену, адресату стихотворения 30. Таким образом Рубан возвращал к прежним отношениям меценатов, “выпавших” за время войны из круга патронов.

⁵² З: 184.

Но я привык уже со скудостью жить.
 Не дай бог худшего при старости сносить.
 Теперь хоть нездоров, но тем еще доволен,
 Что в люди выходить могу, хотя и болен,
 И лакомый иметь на их столах кусок,
 А завтра голоден, но так судил мне рок.
 На бога я мою надежду возлагаю
 И промыслу себя небесному вручаю,
 По благости его и милостивцев зрю.
 Его, по нем и их всегда благодарю,
 И, Яковлев, тебя благодарю стократно,
 Приехал что сюда, поеду что обратно.
 Я лишних от тебя не требую наград,
 Знакомство же с тобой считаю я за клад,
 И благодарности коль дань тебе любезна,
 Так вот тебе в стихах она от старца слезна.
 Я о других твоих не говорю делах,
 Но прежде мой состав преобратится в прах,
 Чем благодарности я чувство оставлю.
 Благотворящих мне в стихах моих прославлю,
 Когда возмездий сих довольно есть для них.
 Навеки я умру, но мой бессмертен стих.
 Вот в праздник дождался какого ты привета.
 Причина, Яковлев, сему — твоя карета.⁵³

19.

Письмо
 Ее высокоблагородию
 Ирине Яковлевне
 Хлебниковой
 сентября 11 дня 1794 года

Ты, Хлебникова, мню, совсем не ожидаешь
 Писаний от меня, но если ты скучаешь,
 Что долго я к тебе, быв скорбен, не писал,
 То вот писать к тебе нынче случай мне предстал.
 Сама узнаешь ты письма сего причину
 И своему о ней сказать ты можешь сыну.

По просьбе я твоей писал за упокой,
 Но ты уехала, и не простясь со мной,
 То ныне чрез письмо тебя я поцелую.
 Я драхмы от тебя погибшей не взыскую,
 А буди лъзя, то в дом, пожалуй, прикажи
 И душу тем свою с моею развяжи.
 Прости, что я тебе о сем напоминаю,

⁵³ 3: 182.

Два года я уже терпеньем грудь стесняю.
 Иль к своему о том велишь писать отцу?
 Но скоро, может быть, его лицом к лицу
 Увижу, будучи уже давненько болен.
 Но сделай, чтобы я тобою был доволен.
 Уведомь, где теперь изволишь пребывать
 И письма мне к тебе куда адресовать.
 Я все еще живу тебе в известном граде
 И мышлю о твоей за надписи награде.
 Известно вам, что я два сорта их писал,
 Но благодарности поныне не видал.
 Иль скудный богачу трудиться должен даром?
 Вы сыты, сыт и я богатой кухни паром.
 Домоправитель ваш изволил мне сказать,
 Что в пустынь будет с ним мне можно побывать
 И посмотреть резьбы там надписи надгробной,
 А случай к оному является удобный
 В день ангела, или простее — именин
 Покойника, где весь духовный будет чин
 Поминовение петь или панихиду.
 Пойду туда и я надгробия для виду,
 И неисправное коль в оной что найду,
 Исправлю, быв охоч к подобному труду.
 Не знаю, что возьмет художник за работу,
 А моему цены не назначаю поту.
 Для ближних я его немало тщетно лью
 И вам на произвол труд старца отдаю.
 Не худо, если б вы к тому ж числу прислали
 Для утolenия болящего печали.
 Но правду вам сказать, мне в том печаль мала,
 И дому вашему пребудет похвала
 В стихах моих всегда, как и бывала прежде,
 И я сие пишу к вам по одной надежде,
 Благоволительность ко мне что ваша есть.
 Любимым быть от вас себе вменяю в честь.
 Любовь бо ваша мне есть ста рублей дороже,
 И Хлебниковых век продли, молю тя, Боже.⁵⁴

⁵⁴ 3: 262. Черновой вариант на 3: 226. Ирина Яковлевна Хлебникова (урожденная Петрова, 1765—1812) — жена П. К. Хлебникова, генерал-аудитор-лейтенанта и дочь Я. С. Петрова (владельца Нязепетровского чугунолитейного и железоделательного завода). Хлебниковы — многолетние патроны Рубана, в доме которых ранее он проживал. Письмо Н. Н. Бантыш-Каменского Рубану от 1780 года адресовано “в дом госпожи Хлебниковой” (10: 1). Рубана связывала с П. К. Хлебниковым также издательская деятельность — библиофил, обладатель библиотеки и рукописной коллекции, он предоставлял Рубану материалы для публикаций (например, *Поверстную книгу*, которая была включена в *Дорожник чужеземный и российский и поверстную книгу Российского государства* (Санкт-Петербург, 1777), 130—186), финансировал некоторые издания Рубана (*Летопись Малой России* (Санкт-Петербург: Тип. Вейтбрехта и Шнора., 1777), о чем тот сам пишет в справке о Хлебникове в *Историческом, географическом и топографическом описании Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год* (Санкт-Петербург: Тип. Воен. коллегии, 1779), 443—446), сопровождая ее стихотворными

20.

26 сентября 1794

Эней бессмертие в потомстве заслужил,
 Что своего отца как нежный сын любил,
 Нося на раменах своих его чрез Трою.
 Нет нужды мне сему завидовать ирою,
 Зря удивления достойнейший предмет,
 Как Пушкин своего отца заочно чтет:
 День именин его с весельем провождает
 И всякий год его в деревне посещает,
 Оставя зиждущий его блаженство град.
 Почтения к отцу в тебе зря, Пушкин, чад,
 Осмелился тебя здесь уравниять Энею —
 Довольные к сему причины я имею.
 Он именем одним лишь только мне знаком,
 Но твой за собственный я числю стол и дом.
 Едва ли так его кормила и Дидона,
 Как во твоём доме Вакх, Флора и Помона
 Довольствуется меня и всех гостей твоих.
 Ты от меня прими сей в благодарность стих,
 Кой твоего отца соткал я в именины,
 Вышереченные к тому имел причины.

посвящениями меценату и эпитафией. В публикуемом нами стихотворении речь идет о надгробной надписи отцу Хлебниковой Я. С. Петрову, скончавшемуся в 1787 году, стихотворный “Счет” за которую, “представленный какому-то заказчику (как видно из текста, игольному фабриканту) за хвалу покойному родителю” (Гинзбург 421-22), опубликован Л. Я. Гинзбург по одному из двух вариантов, без датировки. Найденный нами второй вариант “Счета” датирован 18 сентября (неделю спустя после публикуемого нами стихотворения). Его первые две строки (которые впоследствии зачеркнуты) оканчивают послание Хлебниковой с припиской Р. S. Полная версия “Счета” с датировкой 18 сентября 1794 года дается на следующей странице. Совершенно ясно, что речь идет о том же адресате. Вероятно, Рубан, все еще рассчитывая на оплату труда, не решился сопроводить умеренное прошение достаточно резким по тону “Счетом”. Скорее всего, получив от Хлебниковой неудовлетворительный ответ, он решился отправить “Счет,” включавший, не без укоризны, список уже оказанных ему в прошлом “одолжений”: чай, сукно, бумагу, иголки (Хлебниковы были владельцами игольной фабрики и Благовещенского медеплавильного завода). Возмущение Рубана неблагодарностью заказчицы видно из колких упреков богатой наследнице, не соизволившей отблагодарить как следует бедного поэта за работу: “Вот безуронная вам вся до нитки смета, / Чем своего снабдить изволили поэта, / И буде нужно, то поставьте в счет их мне, / С охотою и то я все приму в цене, / Какая, за хвалы родителя покойна, / Покажется для вас прилична и пристойна. / Хотя бы сотую иль тысячную часть / Того, что вы по нем в свою прияли власть, / Благоволили вы на бедных уделити, / Не может, кажется, за то греха вам быти / И польза б тем была родительской души — / Чистосердечия ты голосу внуши” (опубликовано Гинзбург). В сборнике *Русская стихотворная эпитафия (Русская стихотворная эпитафия, вступ. ст., сост., подготов. текста и примеч. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой (Санкт-Петербург: Гуманитар. агентство “Акад. проект”, 1998), 484)* в комментарии к эпитафии П. К. Хлебникову (1777), принадлежащей Рубану, “Счет” ошибочно атрибутирован в качестве поданного за эту эпитафию. Это неверно: “Счет,” как и публикуемое нами стихотворение, был написан в сентябре 1794 года в связи с эпитафией отцу Хлебниковой, а не ее мужу.

И в заключение усердным сим стихам
 Желаю, ты чего себе желаешь сам,
 И имениннику в сей день тебе любезну —
 Да благость он к себе всечасно зрит небесну,
 Чего и я, и ты, и гости все желают
 И с ангелом его усердно поздравляют.⁵⁵

21.

На возвращение
 Его высокопревосходительства
 Василья Яковлевича
 Чичагова
 из Ревеля в С. Петербург
 26 сентября 1794 года

Услышав твой приезд в Петрополь, Чичагов,
 Я с горстию моих к тебе спешу стихов!
 Ты славен и велик, ты флота предводитель —
 Я мал и небольших творений сочинитель.
 Но ты и малого приемлешь, как больших,
 И малый есть тебе приятной жертвой стих.
 Со счастливым тебя приездом поздравляю
 И преданным к твоим услугам пребываю.
 Ты продолжай ко мне и милость, и покров,
 Приятелищем будь, как был, моих стихов.
 Любовь твою к себе вменяю в честь отличну,
 И снисхождению дивясь необычну,
 Какое во твоём я кротком нраве зрю
 И искренно тебя за то благодарю.
 Ты снисхождением к себе любовь сугубишь.
 Я знаю, что мои труды ты лиры любишь.
 Она, хоть не красна собою и мала,
 Но важных уст твоих об оной похвала
 Достоинство ея и цену возвещает
 И красоту ее в людских очах являет.
 Меньшия бо всегда идут во след больших,
 По лодкам можешь знать то кораблей своих.
 Куда плывет корабль, туда и лодка реет
 И силе корабля противиться не смеет.
 Велик ты как корабль, а я как лодка мал,
 Великим чтусь твоих величием похвал.
 Нелестною тебе сие глашу душею,
 Безмерно одолжен любовью быв твоею,
 И дондеже еще, недужлив быв, дышу,

⁵⁵ 3: 280. Написано на именины отца А. И. Мусина-Пушкина — Ивана Яковлевича Мусина-Пушкина. На этих именинах Рубану была обещана публикация книги его перевода на счет Мусина-Пушкина (см. комментарии к стихотворениям 25, 26 и 28).

Усердно я творца вселенныя прошу,
 Да продолжит твои на свете жизни лета
 Для пользы отечества, ко украшенью света.
 Тя светочем своим Российский числит флаг,
 Немирным есть твое соседям имя страх,
 Не я, но истина сие гласит со мною.
 Мужайся, Чичагов! Всесильный Бог с тобою!
 Ты им прославился, прославишься и впредь,
 И на главу врагов весь обратится вред.
 Еще твои гремят в подсолнечной победы,
 И ран еще своих не заживили шведы,
 Которые ты им торжественно нанес,
 И под покровом ты пребудешь век небес.
 Не обвиняся, сие тебе вещаю
 И с истинным тебя почтением лобзаю.⁵⁶

22.

На день рождения
 Ардальона Александровича
 Тарсукова
 8 октября 1794 года

От друга твоего я, Тарсуков, узнал,
 Что ныне твоего рожденья день настал.
 Быв одолжен твоим и зятем, и сестрою,
 Я познакомиться давно желал с тобою,
 Но случая к тому удобна не имел.
 Благоприятный сей мне случай днесь приспел.
 Усердно я тебя с рожденьем поздравляю
 И знаем быть тобой за счастье почитаю.
 Мне благодетель был твой и любезный тесть,
 В начальстве с ним одним служить имел я честь.
 Вот видишь, сколько я к тому причин имею,
 Чтобы короче быть с приятностью твоею,
 И первый в дом к тебе соделал ныне шаг,
 По должности моей, в приветственных стихах,
 Которые прими знакомства ты залогом,
 И в счастье да храним ты будешь вечно Богом
 До самопозднейших твоея жизни лет.
 В сем состоит тебе мой искренний привет.⁵⁷

⁵⁶ 3: 117. Василий Яковлевич Чичагов (1726—1809) — флотоводец, адмирал, командир Ревельского порта. В данном стихотворении речь идет о возвращении Чичагова в Петербург после кампании 1794 года, в ходе которой он занимался боевой подготовкой флота в Ревеле в связи с угрозой со стороны не присоединившихся к антифранцузской коалиции Швеции и Дании.

⁵⁷ 3: 250. Ардальон Александрович Тарсуков (1754—1810) — генерал-майор, обер-гофмейстер (брат Екатерины Васильевны Новосильцевой, урожденной Тарсуковой, жены П. И. Новосильцева, адресата стихотворений 9, 15). Сам Тарсуков вряд ли мог оказать Рубану какую-либо практическую помощь,

23.

Письмо Даеву
15 октября 1794 года

Я не надеялся в году сем урожаяев
Травы той, коей мне бутылъ прислал ты, Д[аев],
Искусным образом истертой в порошок,
И оным буду я мой потчевать носок
По милости твоей по крайности полгода,
То есть до нового травы сея приплода,
А может, и на весь ее мне станет год —
Вот сколько мне услуг твоих полезен плод!
Усердной сей твоей я не забуду службы
И дар сей буду честь твоей залогом дружбы.
Ты данный в точности исполнил свой обет.
Я многих щастия тебе желаю лет.
Приятной для меня надеждой сею льщуся,
Что не в последнее тобою я должуся,
И думаю еще я от руки твоей
Из мокрых или же и из сухих вещей:
Иль яблоч, иль сельдей, иль вин, иль овощей
В дар что-либо достать, ты сам что нарассудишь,
Чем к благодарности ты вновь меня возбудишь.
Все то свидетельством любви твоей почту
И добротворцев тя к числу моих причту.
Я в дар к тебе стихи различны посылая,
Не только душу я сей пищей услаждаю.
Чья чувствует душа приятности стихов,
Тот будет и моих любителем трудов
Для разных изданных в свет от меня случаев.
Ты от меня прими в знак дружества их, Д[аев].⁵⁸

24.

11 декабря 1794 года

Герасим! От твоей священныя руки
Прияв доставленный ржаныя куль муки,
В стихах тебе сие творю благодаренье
И буду чувствовать по гроб мой одолженье,

однако его жена, Тарсукова Екатерина Васильевна (1772—1842), была более близка к императрице благодаря своей тетке Марье Саввишне Перекусихиной, камер-юнгферы, ближайшей фаворитке и любимице Екатерины II. Так, Рубан, хлопотавший о пенсии и искавший в последние годы прямого контакта с императрицей, получал подобную возможность именно при таком знакомстве.

⁵⁸ 3: 243. Петр Иванович Даев — надворный советник, обер-цолкнер Санкт-Петербургской портовой таможни. О коррупционной деятельности Даева в качестве начальника таможни вспоминает Державин (б: 681).

Какое ты явил в дни немощи моей.
 Да даст господь душе спасение твоей!
 Да даст тебе, чего твой в жизни дух желает,
 И добродетели твои да увеличивает
 Мздовоздаятельна всевышнего рука!
 Да масло, мед, вино, соль, рыба и мука
 В монашеском твоём столе не оскудеет,
 И час наград твоих скорее да приспееет,
 Чем благотворною назначен он судьбой.
 Да в шапке я тебя увидев золотой,
 Усерднейшим моим стихом тебя поздравлю
 И новой похвалой тогда твой сан прославлю,
 А ныне кратким сим доволен слогом будь
 И впредь благотворить пиита не забудь.⁵⁹

25.

Завещание о книге моего перевода
 Тысяча семьсот девяносто четвертого года

Я сей пишу завет в течение октября
 По случаю, кой был в походе сентября.
 Мне П[ушкин] обещал для ангела отцова
 В возмездие трудов Бовмгарта перевод
 Печатный подарить весь оногo завод,
 А именно шестьсот и пятьдесят книжонок.
 Глухим ушам моим сей дара глас был звонок,
 И Италин[скому] приказ уж отдан был,
 Чтоб в типографию об оном сообщил.
 О изъявлении сем любви к наукам знаков
 Свидетелями суть: Держ[авин], и Булг[аков],
 И Нарт[ов], и еще премножество других,
 Супруга П[ушкина] с семейством чад своих.
 Уж в многих я домах сей щедростью хвалился
 И благодарную составить песнь трудился,
 Уже веселыми творил руками плеск,
 Но вдруг исчез мои глаза слепивший блеск,
 И слуха радостный восторг мой пропадает:
 Журихина ко мне в дом П[ушкин] присылает,
 Кой типографский иль аптекарский свой счет
 В четырёхста рублей и с лишним подаёт
 И говорит, что мне ста книжек будет полно,
 А прочи-де продать за иждивенье должно.
 Поутру Есутов сто оных книг привез,

⁵⁹ 3: 138. Вероятно, Герасим Князев (1751—1829) — архимандрит, бывший настоятель московского Симонова монастыря, происходил из купцов. Из игуменов Николаевского Моденского монастыря переведен в Тихвинский Богородицкий монастырь с возведением в сан архимандрита 19 мая 1795 года. Когда Рубан пишет о “золотой шапке,” он имеет в виду это повышение Герасима.

Поступок таковой тронул меня до слез,
 Которые еще поныне проливаю.
 Какую цену дать щедротам сим, не знаю,
 Коль кто попятится – закон старинный нам
 Вещает – то тому мзда будет стыд и срам.
 И благодарного держаться должно слова:
 Вот старики о сем суть мнения какого.
 Что до меня, то я и за сто книг челом
 Бью благодетелю, прося его притом
 Книгопродавцу дать приказ иль комиссару,
 Чтоб по продаже он трудов моих товару,
 По выборе за кошт четырех сот рублей,
 Остаток отдал бы он весь руке моей,
 Когда до той поры я проживу на свете,
 А ежели умру, то много есть в подклете
 И по миру везде таскающих суму.
 Пускай раздаст он их собранию сему.
 Сие торжественно я ныне завещаю
 И в пользу бедных плод трудов сих посвящаю.⁶⁰

1795

26.

1 Генваря 1795 года

Куренья вредны мне и пьяных крики хоров
 Беседы такожде С.. ..П...
 Один за пару груш, другой, дав книг завод,
 Изволит гневен быть, тому другой уж год

⁶⁰ 3: 270. Написано не ранее 26 сентября 1794 года (упомянутые именины, на которых было дано обещание, описаны в стихотворении 20). Вероятно, после распространения этого стихотворения Мусин-Пушкин окончательно отказал Рубану от дома (см. стихотворения 26, 28). Речь идет о публикации “Посетителя и описателя святых мест, в трех частях света состоящих, или Путешествие Мартына Баумгартена...” (Баумгартен М. фон, *Посетитель и описатель святых мест, в трех частях света состоящих...* На русский язык переведено и для пользы общества издано коллежским советником Васильем Рубаном (Санкт-Петербург: типография Корпуса чужестранных единоверцев, 1794). Андрей Яковлевич Италинский (1743-1827) — дипломат при посольстве в Неаполе, почетный член Академии художеств, президентом которой был Мусин-Пушкин; обучался с Рубаном в один и тот же период в Киево-Могиланской академии. Яков Иванович Булгаков (1743-1809) — дипломат и переводчик; Рубан сочинил надпись к последней части “Всемирного путешественника...” (Ла Порт Ж. де; La Porte J. De, *Всемирный путешественник, или Познание Стараго и Новаго света*. Изданное господином аббатом де ла Порт; А на русский язык переведенное с французского [Я. И. Булгаковым] (Санктпетербург: Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1794) в переводе Булгакова (4: 36). Андрей Андреевич Нартов (1737-1813) — писатель, переводчик, почетный член Академии художеств и Академии наук, впоследствии президент Берг-коллегии и Академии Российской. Гавриил Романович Державин (1743-1816) — был в приятельских отношениях с Мусиным-Пушкиным; об одном из таких обедов, куда был приглашен и Булгаков, Державин пишет в своих Записках и Объяснениях (3: 595; 6: 664-5).

Начнется в двадесять шестого сентября.
 Сего числа я, с ним о книгах говоря,
 На именинах быв отцовых за обедом.
 С сего же дня уже мне дом его неведом,
 Ниже свидания имею больше с ним,
 И кормит каждого нас Бог столом своим.
 Трапеза у него как сад во Палестине,
 Но и о врановем печется небо сыне,
 И пищи не лишен ниже один птенец —
 Питает щедро всех вселенныя Творец.
 И так лишась его стола, я не скучаю
 И вышнему хвалы за благодать воссылаю.⁶¹

27.

На рождение
 Его сиятельства
 Графа
 Александра Николаевича
 Самойлова
 10-го марта 1795 года

Рождение твое, Самойлов Граф, пою
 И исполняю тем обязанность мою
 За ласки, мне твоим являемы покровом,
 Что милостивым ты меня приемлешь словом
 И радостным лицом во всякий мой приход.
 С веселием меня и в новый встретишь год
 Ты жизни своя, чего и ожидаю
 И с днем тебя твоего рожденья поздравляю,
 Желая здоровья и долгих в счастье лет.
 Благоволительно прими ты мой привет,
 В пределах краткого вмещающийся слова,
 И благотворного простри лучи покрова
 К принесшему сей дар в рождение твое.
 Поободри его увядше бытие
 Сиянием твоим и купно теплотою,
 Зане ты свет узрел с прекрасной вдруг весною,
 Которая зимы жестокий гонит хлад.
 Ко ближним простирай и ты лучи отрад,
 Возможных каждому благ будучи содетель,
 И в род и род тебя прославит добродетель.⁶²

⁶¹ 3: 121. В этом стихотворении Рубан описывает ссору с А. И. Мусиным-Пушкиным, после чего Рубану отказали от дома (см. комментарий к стихотворениям 20, 25).

⁶² 3: 63.

28.

17 марта 1795

Днесь, П[ушкин], к твоему я хаживал столу
 И именинную певал тебе хвалу
 Для милости твои и твоея супруги,
 Но стихотворные забыты уж услуги.
 Однако старую я помню соль и хлеб
 И что был некогда моей ты лиры Феб.
 День именин твоих моими чту стихами,
 Наполнив оные парнасскими цветами.⁶³

29.

К Вилиму Александровичу Жандру
 на кончину тетки его,
 вдовствующей госпожи генерал-поручицы
 Анны Мартыновны
 Шпрингеровой
 в Санкт-Петербурге
 29 июля 1795 года

Недавно юной смерть я Шпрингеровой пел.
 К несчастью, в гробе днесь и мать ее узрел,
 У коея в дому имел пять лет жилище,
 Быв соучастником ее нередко пище
 И наслаждаясь любезных с ней бесед,
 Чем вдвое вкуснее ее бывал обед.
 Лишившись ее, как и ее трапезы,
 Прольем, любезный Жандр, чувствительные слезы.
 Ты искренню к себе ее любовь стяжал
 И матерью ее, не теткой почитал.
 Имения ее ближайший ты наследник,
 Ее похвальных я деяний проповедник.
 С болезнию сердец помолимся о ней,
 Да вечное господь подаст блаженство ей.⁶⁴

⁶³ з: 68. Написано в день именин А. И. Мусина-Пушкина (поздравительные стихотворения подносились ему Рубаном ежегодно). Рубан продолжает писать о ссоре с Мусиным-Пушкиным, упомянутой в стихотворениях 25, 26, после которой отношения, видимо, не восстановились — до самой смерти Рубана, последовавшей 24 сентября этого же года, посланий Мусиным-Пушкиным больше не было.

⁶⁴ з: 74. Вилим Александрович Жандр — санкт-петербургский губернский землемер, коллежский асессор. Анна Мартыновна Шпрингер — домовладелица, жена Ивана Ивановича Шпрингера (?—1771) — генерала-поручика, основателя Омской крепости.

30.

Благодарение
Его С. Г. И. Ферзену
19 августа 1795
за одолжение кареты на несколько часов
сочинителю сего

Нетщето, Ферзен граф, тебе я стал знаком.
Доселе я ходил на трех ногах пешком,
Сегодня я в твоей карете разъезжаю
И пешеходцам в дар их грязь иль пыль бросаю.
Вчера я беден был, сегодня стал богат,
А завтра пешим всем опять я буду брат.
Так пышности моей один лишь час блистает,
И паки экипаж мой посох составляет,
Но я привык уже со скудостью жить.
Не дай бог худшего при старости сносить!
Теперь хоть нездоров, но тем еще доволен,
Что в люди выходить могу, хотя и болен.
И хлеба есть еще за что купить кусок,
И голод иногда, но так судил мне рок.
На бога я мою надежду возлагаю
И промыслу себя небесному вручаю
И милости его и милостивцев зрю.
Стократно, Ферзен граф, тебя благодарю,
Что ты ссудил меня каретою на время
И дальних мне путей нетяжко было бремя.
Мне благовременно твой экипаж служил
И вещи мне привез, которы я купил.
Сих одолжений я в забвеньи не оставлю,
Благотворящих мне в стихах моих прославлю
И достодолжную хвалу им воспишу.
Граф Ферзен, милость мне являй и впредь, прошу.⁶⁵

31.

19 августа 1795

Беседку, Чичагов, твою я пел стихами!
Ты сада твоего меня снабди плодами,
Коль мнится быть тебе сей мзды достоин труд,

⁶⁵ 3: 87. Иван Евстафьевич Ферзен (1739-1799) — граф, генерал от инфантерии, участвовал в подавлении польского восстания 1794 года, за успехи в чем по возвращении в Петербург возведен в графское достоинство. Вероятно, предоставление кареты было благодарностью или даже оплатой за стихотворное поздравление *На пожалование графу Ивану Евстафьевичу Ферзену в Волынском наместничестве Острожского ключа в вечное и потомственное владение*, отправленное за день до написания публикуемого послания (3: 88).

И яблоч множество из Лебека везут,
И баржа невяская наполнена уж ими.
Плоды ж сии почту плодами я твоими
И на зиму из них запасу наварю.
Уже за оные тебя благодарю,
Что, радуясь вперед, и то не понапрасну,
С твоею мысль мою быть ведаю согласну.
Макаров синие доставил мне платки,
Зеленых яблоч жду я от твоей руки.
Ты стыдным лишь сего не назови пороком,
Что благотворности я привлекаю слогом.
В надежде твоего покровя я пишу
И для игры лишь слов сей новости прошу,
Чтоб возвращение твое к Петрову граду
Мне ошутительну доставило отраду
И новых милостей мне был залог твоих.
Но ежели тебе сей просьбой я стужаю,
И кажется тебе сей не приятен стих,
То ныне же ее о печь уничтожаю.
Ниже каких-либо твоих прошу даров,
Но благосклонен будь, как был мне, Чичагов.
Достоинства твои сокровищ всех дороже.
И продли, продли век твой, милостивый Боже,
Для совершения желанных россам [благ],
И торжествующий всегда твой будет флаг.⁶⁶

⁶⁶ з: 93. Это своеобразная “просьба к оплате” (для Рубана было вообще характерно постфактум рассылать “стихотворные счета”) за Надпись к беседке, находящейся на берегу Невы в 17 линии на Васильевском острове, напротив дома его Высокопревосходительства Василия Яковлевича Чичагова в Санкт-Петербурге 1795 года (з: 86). В стихотворении упоминается Михаил Кондратьевич Макаров (1747—1813) — контр-адмирал. Платки, о которых идет речь, — подарок Рубану от Макарова в один из его визитов в Петербург во время событий Войны первой коалиции. Эти синие платки видим в списке пожитков, проданных на аукционе после смерти Рубана, последовавшей через месяц после написания стихотворения (1: 35 об.)